

1001 ночь.

Рассказ о Масруре и Зейн-аль-Мавасиф

Рассказ о Масруре и Зейн-аль-Мавасиф, ночи 845-854

Рассказ о Масруре и Зейн-аль-Мавасиф, ночи 855-863

Восемьсот пятьдесят пятая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Зейн-аль-Мавасиф, услышав стихи, поняла, что это Масрур, и заплакала вместе со своими невольницами, а потом она сказала: "О Масрур, прошу тебя, ради Аллаха, возвратись назад, чтобы не увидел тебя вместе со мной мой муж". И, услышав это, Масрур лишился чувств. А когда он очнулся, они простились друг с другом, и Масрур произнес такие стихи:

"Кричит об отъезде на заре их погонщик

Пред утром, и ветерок несет его голос.

И вот, оседлав животных, быстро снялись они.

Вперед караван спешит под пенье вожатых.

И землю благоуханьем со всех сторон обдав,

Они ускоряют ход по ровной долине.

Душой овладев моей в любви, они двинулись,

Следами обманут их я был в это утро.

Соседи! Хотел бы я совсем их не покидать,

И землю я омочил текущей слезою.

О сердце! Что сделала, когда далеко они,

Разлуки рука с душой – того не желал я!"

И Масрур продолжал оставаться вблизи каравана, плача и рыдая, и Зейн-аль-Мавасиф уговаривала его вернуться раньше утра из опасения позора. И Масрур подошел к носилкам и попрощался с ней еще раз взглядом, и его покрыло беспамятство на долгое время, а очнувшись, он увидел, что путники уходят. И он обернулся в их сторону и произнес нараспев такие стихи:

"Коль ветер близости ее подует,

Влюбленный сетует на муки страсти.

Вот веет на него дыханием утра,

И он очнулся будто бы на небе.

Лежит больной на ложе он недуга

И плачет кровью слез своих обильных.

Соседи двинулись, и сердце с ними,

Меж путников, погонщиком ведомых.

Клянусь Аллахом, ветер лишь подует,

Как на глазах к нему я устремляюсь".

И потом Масрур вернулся к дому в крайней тоске и увидел, что он покинут любимыми. И Масрур так заплакал, что замочил свою одежду, и его покрыло беспамятство, и душа его чуть не вышла из тела, а очнувшись, он произнес такие два стиха:

"О сжался, стан, – унижен я, в позоре,

Худеет тело, и слезы льют струею.

Подуй на пас их ветра благовонием,

Чтобы душа больная исцелилась".

И когда Масрур вернулся домой, он смутился духом из-за всего этого, и глаза его заплакали, и он пробыл в таком состоянии десять дней.

Вот что было с Масруром. Что же касается Зейн-аль-Мавасиф, то она поняла, что удалась против нее хитрость, и ее муж ехал с ней в течение десяти дней, а потом он поселил ее в одном из городов. И Зейн-аль-Мавасиф написала Масруру письмо и отдала его своей невольнице Хубуб и сказала ей: "Отошли это письмо Масруру, чтобы он узнал, как удалась против нас хитрость и как еврей нас обманул". И невольница взяла у нее письмо и послала его Масруру. И когда письмо пришло к нему, дело показалось ему тяжким. И он так плакал, что замочил землю, и написал письмо, и послал его Зейн-аль-Мавасиф, заключив его такими двумя стихами:

Если путь мне найти, скажи, к вратам утешенья,

Утешиться как тому, кто в огненном жаре?

Прекрасны как времена, теперь миновавшие!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

О, если б из них могли вернуться мгновенья!"

И когда это письмо дошло до Зейн-аль-Мавасиф, она взяла его и прочитала и, отдав его своей невольнице Хубуб, сказала ей: "Скрывай это дело". И муж ее понял, что они обмениваются посланиями,

и

взял Зейн-аль-Мавасиф и ее невольницу и проехал с ними расстояние в двадцать дней пути, а потом он поселился с ними в одном из городов.

Вот что было с Зейн-аль-Мавасиф. Что же касается Масрура, то ему перестал быть приятен сон, и не поселялся в нем покой, и не было у него терпения, и когда он был в таком состоянии, в какую-то ночь его глаза задремали, и он увидел во сне, что Зейн-аль-Мавасиф подошла к нему в саду и начала его обнимать. И он пробудился от сна и не увидел ее, и его ум улетел, и смутилось его сердце, и глаза его наполнились слезами, и сердце его охватило крайнее волнение, и он произнес такие стихи:

"Привет той, чей призрак ночью нас посетил во сне,

Тоску взволновав мою и страсть лишь усилив.

И вот пробудился я от сна, весь взволнованный

Видением призрака, пришедшего в грезах.

Но будет ли правдой сон о той, кого я люблю,

И вылечится ль болезнь любви и недуги?

То руку она мне даст, то крепко прижмет к груди,

То речью приятно подаст утешенье.

Когда же окончились во сне порицания

И слезы мои глаза навеки покрыли,

Напился я влагой уст ее, и казалась мне

Прекрасным вином она, как мускус пахучим.

Дивлюсь я тому, что было в грезах пронесшихся,

Достиг от нее тогда желанной я цели.

Но вот пробудился я от сна, и увидел я,

Что призрака нет, а есть лишь страсть и волнение.

И стал как безумный я, когда увидал ее,

И пьяным я сделался, вина не вкусивши.

О ветра дыхание. Аллаха молю, доставь

Привет от тоски моей и мира желанье!

И им ты скажи, тому, кого вы все знаете:

"Превратность судьбы дала испытать чашу смерти".

И потом он отправился к ее жилищу и не переставал плакать, пока не дошел до него, и он посмотрел на это место и нашел его опустевшим, и увидел он перед собой ее блистающий призрак, и показалось ему, что ее образ стоит перед ним. И загорелись в нем огни и усилились его печали, и он упал, покрытый беспамятством..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят шестая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Масрур увидал во сне Зейн-аль-Мавасиф, которая его обнимала, он обрадовался до крайней степени, а потом он пробудился от сна и пошел к ее дому и увидел, что дом опустел. И усилились его печали, и он упал, покрытый беспамятством, а очнувшись, он произнес такие стихи:

"Почуял я бани запах и благовонья их

И с сердцем, взволнованным тоскою, направился,

Со страстью своей борясь, безумный и горестный,

Ко стану, где прелести любимых уж больше нет:

Он хворь мне послал разлуки, страсти и горестей,

И прежнюю дружбу мне напомнил с любимыми".

А окончив свои стихи, он услышал ворона, который каркал возле дома, и заплакал и воскликнул: "Слава Аллаху! Каркает ворон лишь над жилищем покинутым!"

И затем он начал горевать и вздыхать и произнес такие стихи:

"Над домом любви зачем рыдает так ворон,

А жар мою внутренность клеймит и сжигает?"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Грустя о том времени, что быстро прошло в любви,

Пропало напрасно сердце в страсти пучинах.

Я гибну в тоске, и пламя страсти в душе моей,

И письма пишу, но их никто не доставит.

О горе! Как изнурен я телом, а милая

Уехала! Если б знать, вернутся ль те ночи!

О ветер, когда ее под утро ты посетишь,

Приветствуй ее и встань у дома с приветом".

А у Зейн-аль-Мавасиф была сестра, по имени Насим, и она смотрела на Масрура с высокого места. И, увидев, что он в таком состоянии, она заплакала и опечалилась и произнесла такие стихи:

"Доколь приходить ты будешь в стан, чтобы плакать,

А дом уже с горестью о строившем плачет?

Ведь были в нем радости, пока не уехали

Жильцы, и сияли в нем блестящие солнца.

Где луны, которые тогда восходили в нем?

Превратности свойства их прекрасные стерли.

Забудь о красавицах, которых любил ты встарь,

Смотри, не вернутся ль дни опять с ними вместе?

Не будь тебя, из дому жильцы б не уехали,

И ворона ты над ним тогда бы не видел".

И Масрур заплакал сильным плачем, услышав эти слова и поняв нанизанные стихи. А сестра Зейн-аль-Мавасиф знала, какова их любовь, страсть, тоска и безумие, и она сказала Масруру: "Заклинаю тебя Аллахом, о Масрур, держись вдали от этого жилища, чтобы не узнал о тебе кто-нибудь и не подумал, что ты приходишь ради меня. Ты заставил уехать мою сестру и хочешь, чтобы я тоже уехала! Ты ведь знаешь, что, не будь тебя, дом бы не лишился обитателей; утешься же и оставь его. То, что прошло – прошло". И Масрур, услышав эго от ее сестры, заплакал сильным плачем и сказал ей: "О Насим, если бы мог летать, я бы, право, полетел с тоски по ней. Как же мне утешиться?" – "Нет для тебя хитрости, кроме терпения", ответила Насим. И Масрур сказал: "Прошу тебя, ради Аллаха, напиши ей от себя и принеси нам ответ, чтобы мое сердце успокоилось и потух бы огонь, который внутри меня". – "С любовью и удовольствием", – ответила Насим.

И потом она взяла чернильницу и бумагу, и Масрур начал ей описывать, как сильна его тоска и как он борется с муками разлуки, и он говорил: "Это письмо со слов безумного, огорченного, бедного, разлученного, к кому не приходит покой ни ночью, ни в час дневной, а напротив, он плачет обильной слезой. Веки от слез у него разболелись, и горести в сердце его разгорелись, печаль его продлилась, и волнение его участилось, как у птицы, что дружка лишилась, и быстро гибель к нему устремилась. О, как в разлуке с тобой я страдаю, о, как о дружбе твоей я вздыхаю! Измучило тело мое похуданье, и ливнем лью слезы я от страданья. И в горах и в равнинах теперь мне тесно, и скажу я от крайней тоски по прелестной:

"Тоска моя по их домам осталась,

И страсть к их обитателям все больше.

И послал я вам повесть долгую о любви моей,

И чашу страсти дал мне выпить кравчий,

По отъезде вашем, когда вдали живете вы,

Проливают веки потоки слез обильных.

Вожак верблюдов, к становищу ты сверни

Ведь все сильнее пылает мое сердце.

Привет ты мой передай любимой и ей скажи:

"Одни уста твои его излечат".

Погубил его, разлучив с любимой, жестокий рок,

И в сердце он метнул стрелу разлуки.

Передай ты им, что сильна любовь и тоска моя

И разлука с ней, и нет мне утешенья.

И клянусь я вам, моей страстью поклянусь я вам,

Что верен буду клятвам и обетам.

Ни к кому не склонен, и страсти к вам не забыл ведь я.

И как утешится влюбленный страстно?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

От меня привет и желание мира я шлю теперь,

И с мускусом он смешан на бумаге".

И удивилась сестра ее Насим красноречью языка Масрура, его прекрасным свойствам и нежности его стихов и сжалилась над ним. Она запечатала письмо благоуханным мускусом, окурила его неддом и амброй и доставила его одному из купцов и сказала ему: "Не отдавай этого никому, кроме моей сестры или ее невольницы Хубуб". И купец сказал: "С любовью и охотой!"

И когда письмо дошло до Зейн-аль-Мавасиф, она поняла, что оно продиктовано Масруром, и узнала в нем его душу по тонкости его свойств. И она поцеловала письмо и приложила его к глазам и пролила из-под век слезы и плакала до тех пор, пока ее не покрыло беспмятство, а очнувшись, она потребовала чернильницу и бумагу и написала Масруру ответ на письмо, и, описав свою тоску, страсть и волнение и то, как ее влечет к любимым, она пожаловалась ему на свое состояние и на поразившую ее любовь к нему..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Зейн-аль-Мавасиф написала Масруру ответ на письмо и говорила в нем: "Это письмо – моему господину и владыке моего рабства, и моему повелителю, тайн моих и признаний властителю. – А затем: – Взволновало меня бденье, и усилилось размышление; вдали от тебя для стойкости места нет, о ты, чья краса затмит солнца и луны свет! Тоска меня истомила, и страсть меня погубила, да и как мне не быть такою, когда я в числе погибающих. О краса здешнего мира и украшение жизни, могут ли тому, чьи прервались дыхания, быть приятны возлияния? Ведь не с живыми он " не с мертвыми". И затем она произнесла такие стихи:

"Письмо твое, о Масрур, желания усилило.

Аллахом клянусь, забыть, утешиться не могу.

Лишь почерк твой увидала, – члены в тоске мои,

И влагой обильных слез я жажду лишь утолю.

Будь птицей я, я б взлетела тотчас во тьме ночной,

Ни манна, ни перепел теперь не приятны мне.

Запретна мне жизнь теперь, когда удалились вы,

И пламя разлуки я не в силах переносить".

И затем она посыпала письмо тертым мускусом и амброй и запечатала его, и отослала с одним из купцов, и сказала ему: "Не отдавай его никому, кроме моей сестры Насим". И когда письмо дошло до ее сестры Насим, она доставила его Масруру, и Масрур поцеловал письмо и приложил его к глазам и так заплакал, что его покрыло беспмятство.

Вот что было с ними. Что же касается до мужа Зейналь-Мавасиф, то, когда он догадался об их переписке, он стал ездить со своей женой и ее невольницей с места на место, и Зейн-аль-Мавасиф сказала ему: "Слава Аллаху! Куда ты с нами едешь и удаляешь нас от родины?" – "Я не останавлиюсь, пока не проеду с вами год пути, чтобы не достигали вас послания от Масрура, – ответил ее муж. – Я посмотрю, как вы будете брать мои деньги и отдавать их Масруру, и все, что у меня пропало, я возьму от вас, и я посмотрю, поможет ли вам Масрур и сможет ли он освободить вас из моих рук!"

И потом он пошел к кузнецу и сделал для женщин три железные цепи. Он принес цепи к ним и снял с них их шелковые одежды и одел их в одежды из волоса и стал окуривать их серой, а потом он привел к женщинам кузнеца и сказал ему: "Наложи цепи на ноги этих невольниц". И первую он подвел Зейн-аль-Мавасиф, и когда кузнец увидел ее, его рассудительность исчезла, и он укусил себе пальцы, и ум улетел у него из головы, и усилилась его страсть. "Каков грех этих невольниц?" – спросил он еврея. И тот сказал: "Это мои рабыни, они украли у меня деньги и убежали от меня". – "Да обманет Аллах твое предположение! – воскликнул кузнец. – Клянусь Аллахом, если бы эта девушка была у кадия кадиев и совершала бы каждый день тысячу проступков, он бы не взыскивал с нее! Да к тому же на ней не видно признаков воровства, и ты не можешь надеть ей на ноги железо".

И он стал просить еврея не надевать на нее цепей и принялся его упрашивать, чтобы он ее не заковывал, и когда Зейн-аль-Мавасиф увидела кузнеца, который просил за нее еврея, она сказала: "Прошу тебя, ради Аллаха, не выводи меня к этому чужому мужчине". – "А как же ты выходила к Масруру?" – спросил ее еврей. И она не дала ему ответа. И еврей принял ходатайство кузнеца и наложил ей на ноги маленькую цепь, а невольниц заковал в тяжелые цепи. А тело Зейн-аль-Мавасиф было мягкое и не выносило жесткого, и она со своими невольницами была все время одета во власяницу, ночью и днем, так что у них похудело тело и изменился цвет лица.

Что же касается кузнеца, то в его сердце запала великая любовь к Зейн-аль-Мавасиф, и он отправился в свое жилище в величайшей горести и начал говорить такие стихи:

"Отсохни твоя рука, кузнец! Заковала ведь

И жилы она и ноги цепью тяжелою.

Сковал ты цепями ноги нежной владычицы,

Что в людях сотворена, как чудо чудесное.

Коль был бы ты справедлив, браслетов бы не было

Железных на ней – ведь прежде были из золота.

Когда б видел ее красу кадий кадиев,

Он сжалился бы и место дал бы на кресле ей".

А кадий кадиев проходил мимо дома кузнеца, когда тот говорил нараспев эти стихи, и он послал за ним, и когда кузнец явился, спросил его: "О кузнец, кто та, чье имя ты производишь и к кому твое сердце охвачено любовью?" И кузнец встал и поднялся на ноги перед кади поцеловал ему руки и воскликнул: "Да продлит Аллах дни нашего владыки кади и да расширит его жизнь! Это девушка, и ее качества – такие-то и такие-то". И он принялся описывать кади девушку и ее красоту, прелесть, стройность и соразмерность, изящество и совершенства: ее прекрасное лицо, тонкий стан и тяжелый зад. А потом он рассказал ему, что она в унижении и в заключении – закована в цепи и получает мало пищи.

И тогда кади сказал: "О кузнец, укажи ей к нам дорогу и приведи ее к нам, чтобы мы взяли за нее должное.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Эта невольница привязана к твоей шее, и если ты не укажешь ей путь к нам, Аллах воздаст тебе в день воскресенья". И кузнец сказал: "Слушаю и повинуюсь!" И он в тот же час и минуту направился к дому Зейн-аль-Мавасиф и нашел ворота запертыми и услышал нежную речь, исходившую из печального сердца: это Зейн-аль-Мавасиф говорила в ту пору такие стихи:

"Была я на родине и вместе с любимыми,

И милый мне наполнял любовью кубки.

Ходили они меж нами с радостью, милой нам,

В тот миг не смущали нас ни утро, ни вечер.

Тогда проводили дни, что нас оживляли, мы

И чаша, и лютня, и канун веселили.

Но рок и превратности судьбы разлучили нас

Любимый ушел, и время дружбы исчезло,

О, если бы ворона разлуки прогнать от нас,

О, если б заря любви, сближения блеснула!"

И когда кузнец услышал эти нанизанные стихи, он заплакал слезами, подобными слезам облаков, и постучал в ворота: "Кто у ворот?" – спросили женщины. И он ответил: "Я, кузнец". И он рассказал им о том, что говорил кади, и передал, что он хочет, чтобы они явились к нему и подняли перед ним дело и желает получить для них должное..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что кузнец передал Зейналь-Мавасиф слова кади и рассказал, что он хочет, чтобы они явились к нему и подняли перед ни": дело, и он отомстит за них их обидчику и возьмет для них должное. И Зейн-аль-Мавасиф сказала кузнецу: "Как же мы пойдем к нему, когда ворота заперты и у нас на ногах цепи, а ключи у еврея". – "Я сделаю к замкам ключи и отомкну ими ворота и цепи", – ответил кузнец. И Зейн-аль-Мавасиф сказала: "А кто покажет нам дом кади?" – "Я опишу его вам", – сказал кузнец. "А как же мы пойдем к кади, когда мы одеты в одежды из волоса, обкуренные серой?" – сказала Зейн-аль-Мавасиф. И кузнец ответил: "Кади не осудит вас за то, что вы в таком виде".

И потом кузнец, в тот же час и минуту, пошел и сделал ключи для замков, а затем он отомкнул ворота и отомкнул цепи и, сняв их с ног женщин, вывел их и показал им дорогу к дому кади. А потом невольница Хубуб сняла со своей госпожи бывшие на ней волосяные одежды, пошла с нею в баню и вымыла ее и одела в шелковые одежды. И вернулся к ней прежний цвет лица, и, в довершение счастья, ее муж был на пиру у кого-то из купцов. И Зейн-аль-Мавасиф украсилась лучшими украшениями и пошла к дому кади, и, когда кади увидел ее, он поднялся на ноги, и девушка приветствовала его нежной речью и сладостными словами, пуская в него стрелы взоров. "Да продлит Аллах жизнь владыки и его кади и да укрепит им тяжущегося!" сказала она.

А потом она рассказала кади о делах кузнеца, который совершил с ней поступки благородных, и о том, какие еврей причинил ей мучения, ошеломляющие ум. И она рассказала кади, что усилилась над ними опасность гибели и не находят они себе освобождения. И кади спросил: "О девушка, как твое имя?" – "Мое имя – Зейн-аль-Мавасиф, а имя этой моей невольницы Хубуб", – ответила девушка. И кади воскликнул: "Твое имя подходит к именуемому, и его звук соответствует его смыслу!" И Зейн-аль-Мавасиф улыбнулась и закутала лицо, и кади сказал ей: "О Зейн-аль-Мавасиф, есть у тебя муж или нет?" – "Нет у меня мужа", – ответила девушка. И кади спросил: "А какой ты веры?" – "Моя вера – вера ислама и религия лучшего из людей", – ответила девушка. "Поклянись божественным законом, содержащим знамения и назидания, что ты исповедуешь веру лучшего из людей", – сказал кади. И девушка поклялась ему и произнесла исповедание.

И тогда кади спросил: "Как прошла твоя юность с этим евреем?" "Знай, о кади, – да продлит Аллах твои дни в удовлетворении, да приведет тебя к желанному и да завершит твои дела благими деяниями! – сказала Зейн-аль-Мавасиф, – что мой отец оставил мне после своей кончины пятнадцать тысяч динаров и вложил их в руки этого еврея, чтобы он на них торговал, и прибыль должна была делиться между ним и нами, а капитал – быть неприкосновенным по установлению божественного закона. И когда мой отец умер, еврей пожелал меня и потребовал меня у моей матери, чтобы на мне жениться, но моя мать сказала ему: "Как я ее выведу из ее веры и сделаю ее еврейкой! Клянусь Аллахом, я сообщу о тебе власти!" И еврей испугался ее слов и взял деньги и убежал в город Аден, и, когда мы услышали, что он в городе Адене, мы приехали туда его искать. И когда мы встретились с ним в этом городе, он сказал нам, что торгует разными товарами и покупает товар за товаром, и мы поверили. И он до тех пор нас обманывал, пока не заточил нас и не заковал в цепи, и он нас пытал сильнейшими пытками, а мы – чужестранки и нет нам помощника, кроме великого Аллаха и владыки нашего, кадя".

И когда кади услышал эту историю, он спрятал невольницу Хубуб: "Это твоя госпожа, и вы чужестранки, и у нее нет мужа?" Хубуб ответила: "Да". И тогда кади воскликнул: "Жени меня на ней, и для меня обязательно освобождение раба, пост, паломничество и подаяние, если я не получу для вас должного от этого пса после того, как воздам ему за то, что он сделал!" И Хубуб ответила: – "Внимание тебе и повиновение!" И кади сказал: "Иди успокой свое сердце и сердце твоей госпожи, а завтра, если захочет великий Аллах, я пошлю за этим нечестивцем и возьму с него для вас должное, и ты увидишь чудеса при его пытке".

И девушка пожелала ему блага и ушла от него, оставив его в горе, безумии, тоске и страсти. И когда Хубуб со своей госпожой ушли от него, они спросили, где дом второго кади, и им показали его. И, придя ко второму кади, они сообщили ему то же самое, и третьему, и четвертому тоже, так что Зейн-аль-Мавасиф доложила о своем деле всем четырем судьям. И каждый из них просил ее выйти за него замуж, и она говорила: "Хорошо!" И ни один из них не знал про другого. И каждый кади желал ее, а еврей не знал ни о чем из этого, так как он был в доме, где шел пир.

А когда наступило утро, невольница Зейн-аль-Мавасиф поднялась и одела ее в платье из прекраснейших одежд и вошла с нею к четырем кадиям в помещение суда, и, увидев, что судьи находятся там, Зейн-аль-Мавасиф обнажила лицо, подняла покрывало и приветствовала их, и судьи возвратили ей приветствие, и каждый из них узнал ее. А кто-то из судей писал, и калам выпал у него из руки, и кто-то разговаривал, и язык его стал заплетаться, а кто-то из них считал, и ошибся в счете. И судьи сказали девушке: "О прекрасная качествами и редкая по красоте, пусть будет твое сердце вполне спокойно! Мы непременно получим для тебя должное и приведем тебя к тому, что ты хочешь". И она пожелала им блага, а потом попрощалась с ними и ушла..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят девятая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что судьи сказали Зейналь-Мавасиф: "О прекрасная качествами и редкая по красоте, пусть будет твое сердце вполне спокойным об исполнении твоей нужды и достижении желаемого". И она пожелала им блага, а потом попрощалась с ними и ушла. А еврей при всем этом был у своих друзей на пиру и ничего не

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Знал. И Зейн-аль-Мавасиф стала взывать к вершителям законов и обладателям перьев о защите против этого подозрительного нечестивца и освобождения от болезненных пыток и заплакала и произнесла такие стихи:

"О глаз мой, слезы, как потоп, пролей ты

От слез, быть может, печаль моя погаснет.

Я носила раньше прекрасный шелк, весь вышитый,

Теперь ношу одежду я монахов,

Благовоньем серы окурены мои платья все

Оно несходно с неддом и рейханом,

И если бы, Масрур, узнал, что с нами, ты,

То срам наш и позор не допустил бы.

Хубуб в цепях железных ныне пленница

Того, что в бога-судию не верит.

А я отвергла и жизнь евреев и веру их,

И ныне верю вышею я верой.

Мусульманкою пред прощающим я простерлась ниц

И следую Мухаммеда закону

Масрур, любовь ты нашу не забудь вовек,

Храни ты клятвы верно и обеты,

Я сменила веру, любя тебя, и, поистине,

От крайней страсти любовь мою скрываю.

Спеши же к нам, коль дружбу к нам ты сохранил,

Как благородный, и в пути не медли!"

И затем она написала письмо, в котором заключалось все то, что сделал с нею еврей, от начала до конца, и начертала в письме эти стихи, а потом она свернула письмо и подала его своей невольнице Хубуб и сказала: "Храни это письмо у себя за пазухой, пока мы не отошлем его Масруру".

И когда это было так, вдруг вошел к ним еврей и увидел, что они радуются. "Что это вы, я вижу, радуетесь? Разве пришло к вам письмо от вашего друга Масрура?" – спросил он. И Зейн-аль-Мавасиф сказала ему: "У нас нет помощника против тебя, кроме Аллаха, великого, славного, и это он избавит нас от твоего притеснения. Если ты не воротишь нас в наши страны и на родину, мы завтра будем судиться с тобой у правителя этого города и его судьи". – "А кто снял цепи с ваших ног? – спросил еврей. – Я обязательно сделаю для каждой из вас цепь в десять ритлей и обойду с вами вокруг города". – "Ты сам попадешь во все, что ты для нас задумал, если захочет Аллах великий, – сказала Хубуб, – а также пострадаешь и за то, что ты удалил нас от родины. Завтра мы с тобой будем стоять перед правителем этого города".

И так продолжалось до утра, а потом еврей поднялся и пошел к кузнецу, чтобы сделать для женщин цепи, и тогда Зейн-аль-Мавасиф поднялась ее своими невольницами и пошла к дому суда и вошла в него. Она увидела кадиев и приветствовала их, и все кадии возвратили ей приветствие, и потом кадий кадиев сказал тем, что были вокруг него: "Это женщина блестяще прекрасная, и всякий, кто ее видит, в нее влюбляется и смиряется перед ее красотой и прелестью". И потом кади послал с нею четырех посланцев и сказал им: "Приведите ее обидчика в наилучшем состоянии".

Вот что было с нею. Что же касается еврея, то он сделал для женщин цепи и отправился в свое жилище, но не нашел их там и растерялся. И когда это было так, посланные вдруг вцепились в него и начали его бить жестоким боем и тащили его, волоча на лице, пока не пришли с ним к кади. И, увидав его, кади закричал ему в лицо и сказал: "Горе тебе, о враг Аллаха! Разве дошло твое дело до того, что ты сделал то, что сделал, и удалил этих женщин от их родины и украл их деньги и хочешь сделать их еврейками. Как это ты хочешь превратить мусульман в неверных?" – "О владыка, это моя жена", – сказал еврей. И когда кадии слышали от него эти слова, они все закричали и сказали: "Киньте этого пса на землю и колотите его по лицу сандалиями! Бейте его болезненным боем, ибо его грех не прощается".

И с еврея сняли его шелковую одежду и надели на него волосяную одежду Зейн-аль-Мавасиф, и его кинули на землю, выщипали ему бороду и больно пobili его по лицу сандалиями, а потом его посадили на осла, лицом к зад, и вложили хвост осла ему в руки, и его возили вокруг города, пока не обошли с ним весь город. А потом с ним вернулись к кади, и он был в великом унижении, и четверо кадиев присудили его к отсечению рук и ног и распятию. И проклятый оторопел от таких слов, и его разум исчез, и он воскликнул: "О господа судьи, чего вы от меня хотите?" И судьи отвечали: "Скажи: "Эта женщина – не моя жена, и деньги – ее деньги, и я совершил над ней преступление и разлучил ее с родиной". И еврей признал это, и об его признание написали свидетельство, и, отобрав от него деньги, отдали их Зейн-аль-Мавасиф и дали ей свидетельство, и она ушла домой, и всякий, кто видел ее красоту и прелесть, смущался умом, и каждый из кадиев думал, что ее дело приведет ее к нему.

И когда Зейн-аль-Мавасиф пришла к своему жилищу, она собрала для себя все, что ей было нужно, и подождала, пока пришла ночь, и тогда она взяла то, что легко нести и дорого ценою, и пошла со своими невольницами во мраке ночи. И она шла не переставая в течение трех дней пути с их ночами, и вот то, что было с Зейн-аль-Мавасиф.

Что же касается кадиев, то после ухода Зейн-аль-Мавасиф они приказали заточить ее мужа, еврея..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот шестидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что кадии приказали заточить еврея, мужа Зейн-аль-Мавасиф, а когда наступило утро, кадии и свидетели стали ждать, что Зейн-аль-Мавасиф к ним придет, но она не пришла ни к одному из них.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И тогда кади, к которому она пришла сначала, сказал: "Я хочу сегодня прогуляться за городом – у меня есть там дело". И он сел на своего мула, взял с собой слугу и начал объезжать переулки города, вдоль и поперек, и искать Зейн-аль-Мавасиф, но не напал на слух о ней. И когда он так ездил, он вдруг увидел, что и остальные кадии разъезжают по городу, и каждый из них думал, что Зейн-аль-Мавасиф ни с кем, кроме него, не условилась. И первый кади спросил, почему они выехали и разъезжают по переулкам города, и они рассказали ему о своем деле, и увидел он, что их состояние подобно его состоянию и их вопросы подобны его вопросам. И они все стали искать Зейн-аль-Мавасиф, но не напали на слух о ней, и каждый из них уехал домой больной, и они легли на ложе изнеможения.

А потом кадий кадиев вспомнил о кузнеце и послал за ним, и когда кузнец предстал меж его руками, спросил его: "О кузнец, знаешь ли ты что-нибудь о делах девушки, которой ты указал на нас? Клянусь Аллахом, если ты не осведомишь меня о ней, я побью тебя бичами!" И кузнец, услышав слова кади, произнес такие стихи:

"Поистине, та, что мной владеет теперь в любви,

Красой овладела всей, другим не оставив!

Глядит, как газель, и пахнет амброй, и солнце нам

Являет; течет, как пруд, и гнется, как ветка".

А потом кузнец воскликнул: "Клянусь Аллахом, о владыка мой, с тех пор как она удалилась от благородного присутствия, мой глаз ни разу ее не видел. А она овладела моим сердцем и разумом, и о ней мой разговор и моя забота, и я пошел в ее жилище, и не нашел ее, и не увидел никого, кто бы мне рассказал о ней, как будто она погрузилась в пучину вод или ее унесло на небо".

И когда кади услышал его слова, он вскрикнул криком, от которого чуть не вышла его душа, и воскликнул: "Клянусь Аллахом, не было нам надобности видеть ее!" И кузнец ушел, а кади свалился на постель и впал из-за девушки в изнеможение, и свидетели, и остальные кадии тоже. И стали ходить к ним врачи, но не было у них болезни, для которой нужен лекарь. А потом именитые люди пришли к первому кади и приветствовали его и стали его расспрашивать, что с ним, и кади вздохнул и открыл то, что было у него на душе, и произнес такие стихи:

"Довольно упреков, хватит боли с меня моей:

Просите за кадия, людьми управлявшего!

Кто раньше меня корил за страсть, пусть простит меня

И пусть не бранит, – убитым страстью упрека нет.

Был кадием я, и рок мне счастье приносил

На всех должностях, и подпись ставил каламом я.

Но вот я сражен стрелой – и нет для нее врача

Из глаз дивной девушки, пришедшей, чтобы кровь пролить.

Ей равной средь мусульманок нет, что приходят к нам

С обидой, в устах ее сверкает жемчужин ряд.

Взглянул я в лицо прекрасной, и показала мне

Она круг луны, взошедшей средь темноты ночной,

И лик светлый свой, и уст улыбку чудесную

Покрыла краса ее от ног до темени.

Аллахом клянусь, мой глаз не видел подобной ей

Средь всех, что арабом создан и неарабом был.

Прекрасное обещала мне эта девушка

И молвила: "Обещав, исполню, о кади, я!"

Вот сан мой, и вот чем был испытан, узнайте, я.

Не спрашивайте ж, в чем горе, люди разумные!"

А произнося эти стихи, кади заплакал сильным плачем, и потом он издал единый вопль, и дух его расстался с телом. И когда пришедшие увидели это, они вымыли его, завернули в саван, помолились над ним и похоронили его, и написали на его могиле такие стихи:

Собрались свойства влюбленных всех в душе того,

Кто в могилу слег, умерщвленный злобой любимого.

Был прежде он судьей среди тварей всех,

Перо его тюрьмою было мечу в ножнах.

И свершила суд свой над ним любовь – мы не видели,

Чтоб владыка прежде унизился пред рабом своим.

И потом они сказали: "Да помилует его Аллах!"

И они ушли ко второму кади вместе с врачом, но не нашли у него повреждения или боли, для которой был бы нужен врач. И они спросили, что с ним и чем занят его ум, и кади осведомил их о своем деле, и они стали бранить и порицать его за такое состояние, и он ответил им, произнеся нараспев такие стихи:

"Беда моя в ней: хулить меня не надо

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Из рук стрелка я поражен стрелою.

Ко мне невольница Хубуб явилась,

Что дни судьбы считает год за годом,

И с нею девочка, черты которой

Прекраснее луны во мраке ночи.

Красу свою нам, жалуясь, явила

Она, и слезы глаз лились струею.

Слова ее слышал и взглянул я

И заболел от уст ее улыбки.

Ушла с душой моей она – куда же?

А я остался, как любви заложник.

Вот моя повесть – сжальтесь надо мною

И моего слугу судьей назначьте".

И потом он издал вопль, и душа его рассталась с телом, и его обрядили и похоронили и сказали: "Да помилует его Аллах!" – и отправились к третьему кади и увидели, что он болен и с ним случилось то же, что случилось со вторым. И с четвертым было то же самое, и они увидели, что все судьи больны от любви к Зейн-аль-Мавасиф, и свидетелей они тоже нашли больными от любви к ней, ибо всякий, кто ее видел, умирал от любви, а если не умирал, то жил, борясь с волнениями страсти..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят первая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что именитые жители города нашли всех судей и свидетелей больными от любви к Зейн-аль

Мавасиф, ибо всякий, кто ее видел, умирал от увлечения ею, а если не умирал, то жил борясь с волнением страсти из-за сильной любви к ней, да помилует их всех Аллах!

Вот что было с ними. Что же касается Зейн-аль-Мавасиф, то она ехала, ускоряя ход, в течение нескольких дней, пока не проехала далекого расстояния. И случилось, что она выехала со своими невольницами и проезжала по дороге монастыря, а в этом монастыре был великий монах по имени Данис, у которого было сорок патрициев. И, увидев красоту Зейн-аль-Мавасиф, он вышел к ней и пригласил ее и сказал: "Отдохните у нас десять дней, а потом поезжайте". И девушка остановилась со своими невольницами в этом монастыре.

И когда она там остановилась и Данис увидел ее красоту и прелесть, его вера испортилась, и он пленился ею и стал посылать к ней с просьбами патрициев, одного за другим, чтобы подружиться с нею, и каждый, кого он посылал, впадал в любовь к ней и соблазнял ее, а она извинялась и отказывалась. И Данис все посылал к ней одного за другим, пока не послал к ней сорок патрициев, и каждый из них, увидав ее, привязывался к ней любовью и усиленно ее уговаривал и соблазнял, не называя ей имени Даниса, а она отказывалась и отвечала им самыми грубыми словами.

И когда истощилось терпение Даниса и усилилась его страсть, он сказал про себя: "Говорит сказавший поговорку: "Почешет мне тело только мой ноготь, и не побегут для дел моих ничьи, кроме моих, ноги". А затем он поднялся на ноги и приготовил роскошное кушанье и понес его и поставил перед Зейн-аль-Мавасиф (а было это в девятый день из тех десяти, которые Зейн-аль-Мавасиф уговорилась провести у Даниса для отдыха). И, поставив перед ней кушанье, монах сказал: "Пожалуй во имя бога – лучшая пища та, что нам досталась". И девушка протянула руку со словами: "Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!" – и стала есть со своими невольницами. А когда она кончила есть, монах сказал ей; "О госпожа, я хочу сказать тебе стихи". – "Говори", – молвила девушка. И Данис произнес такие стихи:

Пленила ты сердце мне ланитой и взором,

О страсти к тебе гласит и стих мой в проза.

Ты бросишь ли страстью к тебе изнуренного?

С любовью борюсь своей и в сонных я грезах.

Меня ты не оставляй безумным, поверженным,

Забыл я и монастырь и жизни улады.

О нежная ветвь! В любви дозволила кровь пролить

Мою! Пожалей меня и жалобам внимли".

И, услышав эти стихи, Зейн-аль-Мавасиф ответила на его стихотворение таким двустишием:

"О жаждущий близости, не льстись ты надеждою,

Вопросы, о человек, ко мне прекрати свои!

И душу не распаляй на то, чем владеть вовек

Не будешь, – ведь к жадности близки опасения".

И Данис, услышав ее стихи, вернулся в свою келью, задумчивый, не зная, как поступить в деле этой девушки, и он провел эту ночь в наихудшем состоянии. А когда опустилась ночь, Зейн-аль-Мавасиф встала и сказала своим невольницам: "Пойдемте! Нам не справиться с сорока человеками из монахов, когда каждый из них соблазняет меня". И невольницы ответили: "С любовью и охотой!" И затем они сели на своих коней и выехали из ворот монастыря..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Восемьсот шестьдесят вторая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Зейн-аль-Мавасиф со своими невольницами выехала из монастыря ночью, и они ехали не переставая и вдруг увидели шедший караван.

И они вмешались в караван, и вдруг оказалось, что это караван из города Адена, где была Зейн-аль-Мавасиф, и она услышала, что люди в караване разговаривают о происшествии с Зейн-аль-Мавасиф и говорят, что кадии и свидетели умерли от любви к ней и жители города назначили других кадиев и свидетелей и выпустили мужа Зейн-аль-Мавасиф из тюрьмы. И Зейн-аль-Мавасиф, услышав эти речи, обратилась к своим невольницам и спросила свою рабыню Хубуб: "Разве ты не слышишь эти речи?" И Хубуб ответила: "Если монахи, которые веруют, что опасаться женщин – благочестиво, пленились любовью к тебе, то каково же положение кадиев, которые веруют, что нет монашества в исламе! Но будем идти на родину, пока наше дело остается скрытым". И они пошли, сиюсь идти скорее, и вот то, что было с Зейн-альМавасиф и ее невольницами.

Что же касается монахов, то, когда наступило утро, они пришли к Зейн-аль-Мавасиф для приветствия, но увидели, что ее место пусто, и схватила их болезнь во внутренностях их. И первый монах разодрал свою одежду и начал говорить такие стихи:

"О Други, ко мне скорей придите! Поистине,

Расстаться я с вами должен скоро, покинуть вас!

Душа моя вся полна страданьями от любви,

А в сердце таятся вздохи страсти смертельные

По девушке, что пришла и наш посетила край,

С ней месяц, на небеса входящий, сравняется.

Ушла она и меня убитым оставила,

Стрелой поверженным, что смерть принесла, разя".

А потом второй монах произнес такие стихи:

"Ушедшие с душой моей, смягчитесь же

Над бедным вы и, сжалившись, вернитесь вновь.

Ушли они, и ушел мой отдых с уходом их.

Далеко они, но речей их сладость в ушах моих.

Вдали они, и вдали их стан. О, если бы

Они сжалились и во сне хотя бы вернулись к нам!

Они сердце взяли, уйдя, мое и всего меня

В слезах, потоком льющихся, оставили".

А потом третий монах произнес такие стихи:

"Рисует ваш образ и глаза, и душа, и слух,

И сердце мое – приют для вас, как и все во мне.

И слово о вас приятней меда в устах моих

Течет оно, как течет мой дух в глубине груди.

И тонким, как зубочистка, вы меня сделали

От мук, и в пучине слез от страсти потоплен я.

О, дайте увидеть вас во сне! Ведь, быть может, вы

Ланитам моим дадите отдых от боли слез".

А потом четвертый монах произнес такие два стиха:

"Онемел язык – о тебе скажу немного:

Любовь – причина хвори и страданий.

О полная луна, чье место в небе,

Сильна к тебе любовь моя, безумна!"

А потом пятый монах произнес такие стихи:

"Люблю я луну, что нежна и стройна и стан ее тонок – в беде он скорбит,

Слюна ее схожа со влагой вина, и зад ее тяжкий людей веселит.

Любовью душа моя к ней сожжена, влюбленный средь

мрака ночного убит.

Слеза на щеке точно яхонт, красна, и льется она точно дождь вдоль ланит".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А потом шестой монах произнес такие стихи:

"Губящая в любви к себе разлукою,

О бана ветвь, светило счастья возшло твое!

На грусть мою и страсть тебе я жалуюсь,

О жгущая огнями роз щеки своей!

В тебя влюбленный набожность обманет ли

И забудет ли поясной поклон и паденья ниц?"

А потом седьмой монах произнес такие стихи:

"Заточил он душу, а слезы глаз он выпустил,

Обновил он страсть, а терпение разорвал мое.

О чертами сладкий! Как горько мне расстаться с ним.

При встрече он разит стрелою душу мне.

Хулитель, прекрати, забудь минувшее

В делах любви тебе, ты знаешь, веры нет".

И остальные патриции и монахи тоже все плакали и произносили стихи, а что касается их старшего – Джвиса, то усилился его плач и завыванья, но не находил он пути к сближению с нею. А потом он произнес нараспев такие стихи:

"Терпенья лишился я, ушли когда милые,

Покинула меня ты, надежда, мечта моя,

Погонщик верблюдов, будь помягче с их серыми

Быть может, пожалуйут они возвращение.

Суров к моим векам сон в разлуки день сделался,

И горе я обновил, а радость покинул я.

Аллаху я жалуюсь на то, что в любви терплю,

Она изнурила тело, силу похитила".

И когда монахи потеряли надежду увидеть Зейн-аль-Мавасиф, их мнение сошлось на том, чтобы изобразить у себя ее образ, и они согласились в этом и жили, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений.

Вот что было с этими монахами, обитателями монастыря. Что же касается Зейн-аль-Мавасиф, то она ехала, направляясь к своему возлюбленному, Масруру, и продолжала ехать, пока не достигла своего жилища. И она отперла ворота и вошла в дом, а затем она послала к своей сестре Насим, и когда ее сестра услышала о ее прибытии, она обрадовалась сильной радостью и принесла ей ковры и дорогие материи. И потом она убрала ей дом, и одела ее, и опустила занавески на дверях, и разожгла алоэ, недд, амбру и благовонный мускус, так что дом пропитался их запахами и стал великолепнее всего, что бывает. А затем Зейн-аль-Мавасиф надела свои роскошнейшие материи и украсилась лучшими украшениями. И все это происходило, и Масрур не знал о ее приезде, а напротив, был в сильной заботе и печали, больше которой нет..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят третья ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Зейн-аль-Мавасиф вошла в свой дом, ее сестра принесла ей ковры и материи и постлала для нее и одела ее в роскошнейшие одежды, и все это происходило, и Масрур не Знал о ее прибытии, а напротив, был в сильной заботе и печали, больше которой нет. И Зейн-аль-Мавасиф села и начала разговаривать с невольницами, которые остались и не поехали с ней, и рассказала им обо всем, что с ней случилось, от начала до конца, а потом она обратилась к Хубуб и, дав ей денег, приказала ей сходить и принести чего-нибудь поесть ей и ее невольницам. И Хубуб пошла и принесла то, что Зейн-аль-Мавасиф потребовала из еды и питья, и когда они кончили есть и пить, Зейн-аль-Мавасиф приказала Хубуб пойти к Масруру и посмотреть, где он, и взглянуть, каковы его обстоятельства.

А Масрур – он не успокаивался в покое, и не была для него возможна стойкость, и когда увеличилось над ним волнение, и страсть, и любовь, и увлечение, он стал утешать себя произнесением стихов и ходил к ее дому и целовал стену. И случилось, что он пошел на место прощанья и произнес такое дивное стихотворение:

"Хоть таил я то, что пришлось снести мне, но явно все,

И сменило око усладу сна на бессонницу.

И когда пленили мне сердце мысли, воскликнул я;

"О судьба моя, ты не милуешь, не щадишь меня!"

И душа моя меж мучением и опасностью!

Если б был владыка любви моей справедлив ко мне,

Сон не был бы от глаз моих так прогнан им.

Господа мои, пожалейте же изнуренного,

Благородного пожалейте вы, что унизился

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

На путях любви, и богатого, обедневшего!

Приставал хулителю, браня за вас, но не слушал я,

И заткнул я все, чем я слышать мог, и смутил его

И обет хранил нерушимо я, что любимым дан.

Они молвили: "Ты ушедших любишь!" Ответил я:

"Падет когда приговор судьбы, тогда слепнет взор".

И затем он вернулся в свое жилище и сидел, плача, и одолел его сон, и увидел он в сновидении, будто Зейналь–Мавасиф приехала домой. И он пробудился от сна, плача, и направился к жилищу Зейн–аль–Мавасиф, произнося такие стихи:

"Могу ли забыть я ту, что мной овладела всем,

И сердце мое в огне, угля горячей, горит?

Влюбился я в ту, чья даль – причина мольбы моей

К Аллаху, и смена дней и рока изменчивость.

Когда же мы встретимся, о цель и мечта души,

И близость когда вкусить смогу я, о лик луны?"

И, произнося конец стихотворения, он шел в переулке Зейн–аль–Мавасиф. И он почувствовал там благовонные запахи, и разум его взволновался, и сердце его покинуло грудь, и загорелась в нем страсть, и усилилось его безумие. И вдруг он видит: идет Хубуб, чтобы исполнить какое–то дело. И Масрур заметил ее, когда она подходила из глубины переулочка, и, увидав ее, обрадовался сильной радостью. И, увидев Масрура, Хубуб подошла к нему и приветствовала его и обрадовала вестью о прибытии своей госпожи Зейн–аль–Мавасиф и сказала: "Она послала меня, чтобы потребовать тебя к ней".

И Масрур обрадовался сильной радостью, больше которой нет. И Хубуб взяла его и вернулась с ним к Зейналь–Мавасиф. И когда Зейн–аль–Мавасиф увидела Масрура, она сошла с ложа и поцеловала его, и он поцеловал ее, и девушка обняла его, и он обнял ее, и они не переставали целовать друг друга и обниматься, пока их не покрыло беспамятство на долгое время из–за сильной любви и разлуки. А когда они очнулись от беспамятства, Зейн–аль–Мавасиф велела своей невольнице Хубуб принести кувшин, наполненный сахарным питьем, и кувшин, наполненный лимонным питьем, и невольница принесла ей все, что она потребовала, и они стали есть и пить.

И так продолжалось, пока не пришла ночь, и тогда они начали вспоминать о том, что с ними случилось, от начала до конца, а Зейн–аль–Мавасиф рассказала Масруру, что она стала мусульманкой, и он обрадовался и тоже принял ислам, и ее невольницы также, и все они возвратились к великому Аллаху. А когда наступило утро, Зейн–аль–Мавасиф велела привести судью и свидетелей и осведомила их о том, что она незамужняя, и выждала полностью срок очищения, и хочет выйти замуж за Масрура. И ее запись с ним записали, и они зажили самой сладостной жизнью.

Вот что было с Зейн–аль–Мавасиф. Что же касается ее мужа, еврея, то, когда жители города выпустили его С из тюрьмы, он уехал и направился в свою страну и ехал до тех пор, пока между ним и тем городом, где была Зейн–аль–Мавасиф, не осталось три дня пути. И Зейн–альМавасиф осведомили об этом, и она призвала свою невольницу Хубуб и сказала ей: "Пойди на кладбище евреев, вырой могилу, положи на нее цветы и попрыскай вокруг них водой, и если еврей придет и спросит тебя обо мне, и скажи ему: "Моя госпожа умерла от обиды на тебя, и с ее смерти прошло двадцать дней". И если он тебе скажет: "Покажи мне ее могилу", – приведи его к той могиле и ухитрись зарыть его в ней живым". И Хубуб ответила: "Слушаю и повинуюсь!"

И затем они убрали ковры и отнесли их в чулан, и Зейн–аль–Мавасиф пошла в дом Масрура, и они с ним сели за еду и питье. И так продолжалось, пока не прошло три дня, и вот то, что было с ними. Что же касается до ее мужа, то, приехав после путешествия, он постучал в ворота, и Хубуб спросила: "Кто у ворот?" – "Твой господин", – ответил еврей. И она отперла ему ворота, и еврей увидел, что слезы льются по ее щекам. "О чем ты плачешь, и где твоя госпожа?" – спросил он. И Хубуб сказала: "Моя госпожа умерла от обиды на тебя". И когда еврей услышал от нее эти слова, он растерялся и заплакал сильным плачем, а потом он спросил: "О Хубуб, где ее могила?" И Хубуб взяла его и пошла с ним на кладбище и показала ему могилу, которую она выкопала, и тогда еврей заплакал сильным плачем и произнес такие два стиха:

"Две вещи есть – если б плакали глаза о них

Кровью алою и грозила бы им гибель,

И десятой доли не сделали б они должного:

То цвет юности и с любимыми разлука!"

И потом он заплакал сильным плачем и произнес такие стихи:

"Увы, о печаль моя, обманут я стойкостью!

В разлуке с любимой умру от печали я.

Какою бедой сражен с уходом любимых я,

Как тем, что рука свершила, сердце терзается!

О, если бы сохранил я тайну в те времена,

И страсть не открыл свою, в душе бушевавшую!

Ведь жизнью я жил угодной богу и радостной,

А после нее живу в позоре и тяготах.

Хубуб, взволновала ты тоску в моем сердце вновь,

Сказав мне о смерти той, кто был мне опорой.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

О Зейн-аль-Мавасиф, пусть разлуки бы не было

И не было бы того, с чем тело оставил дух!

Раскаивался я в том, что клятвы нарушил я,

И горько себя корил за крайности в гневе я".

А окончив свои стихи, он начал плакать, стонать и сетовать и упал, покрытый беспамятством, и когда он потерял сознание, Хубуб поспешно потащила его и положила в могилу, а он был еще жив, но оглушен. И затем она засыпала могилу и, вернувшись к своей госпоже, осведомила ее об этом деле, и Зейн-аль-Мавасиф сильно обрадовалась и произнесла такие два стиха:

"Поклялся рок, что вечно будет мой дух смущать,

Не сдержало клятву, о время, ты, искупи ее!

Мой хулителъ мертв, а возлюбленный вблизи меня,

Так вставай же ты на зов радости, подбери подол".

И они жили вместе за едой, питьем, забавами, играми и увеселениями, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, Губительница сынов и дочерей.